

К ПУБЛИКАЦИИ ФРАГМЕНТОВ ИЗ ОТПРАВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ К УМОПОСТИГАЕМОМУ ПОРФИРИЯ

В. В. Петров

Первоначальным намерением автора было дать перевод нескольких Тезисов Порфирия (устоявшееся именование *Сентенции*, к сожалению, лишено динамики греческого 'Αφορμαί букв. «отправные, стартовые позиции»), обеспечив необходимый фон для помещенного в этом сборнике перевода глав *Комментария* Макробия. Поэтому на первое место в моем переводе Порфирия вынесен основополагающий для Макробия тезис ХХХІІ. Однако исключительные емкость и своеобразии тезиса ХХІХ, потребовавшие развернутого комментария, заставили рассматривать эту публикацию как самостоятельную, хотя и дополняющую первую. Как следствие, добавился материал, дающий более адекватное представление о собственном психологическом учении Порфирия, оттеняющий как его особенности, так и включенность в традицию.

Существо выбранных для перевода тезисов подробно разобрано в примечаниях, а здесь сделаем несколько замечаний на тему «Макробий и его источники». Вопрос о степени знакомства и зависимости Макробия от сочинений Платона, Плотина и Порфирия изучен достаточно хорошо.

Не вызывает сомнений, что автор *Комментария на «Сон Сципиона»* имел перед глазами тексты Плотина, однако излагает он их, прибегая к посредству интерпретирующих трудов Порфирия. Насколько Порфирий «легче» Плотина, настолько Макробий «легче» Порфирия. Планку каждому задавал его предшественник. Это не значит, что Макробию не достало ума и философской эрудиции. Он решает собственные задачи в собственную эпоху. Достаточно ознакомиться с публикуемыми тремя главами *Комментария*, чтобы убедиться, с каким мастерством в них переплавлен и свободно перекомпонован использованный материал. *Argis est celare artem*: неискушенный читатель может удовлетвориться поверхностным, повествовательным уровнем, а пытливый и сведущий легко разглядит и узнает под ним топы греческих первоисточников. Если говорить об источниках, то можно выделить несколько слоев. Нижний, базовый уровень – сочинения Платона: *Государство*, различные диалоги. Для 8-13 глав *Комментария* узловые точки задаются *Федоном*. Достаточно точно отслеживаются фрагменты 61cd, 64a-70d, 79b-84a, 95d-107d, 112b-114e. Впрочем, полагают, что параллели с *Федоном* возникают из-за того, что Макробий вторит утраченной ныне работе Порфирия *De regressu*, которая представляла собой насыщенный цитатами комментарий на *Федона*.

Второй слой – Плотин. Безусловно, Макробий сам читал Эннеа-

ды. Он приводит названия отдельных трактатов (*Комм.* I, 8, 5; I, 19, 27; II, 12, 17); говорит, что Плотин «скуп на слова» [*paucus verborum*] (II, 12, 7), чем подтверждает свое знакомство с текстом. Правда, и в последнем случае возможна посредническая роль Порфирия (ср. *Жизнь Плотина* 14: «писал он обычно... с такой краткостью, что мыслей было больше, чем слов»). Впрочем, в I, 8, 8 он дает парафраз начальных строк трактата *О добродетелях*, на который чуть раньше ссылается. Этого нет у Порфирия, и здесь перед нами свидетельство непосредственного обращения к Плотину.

Наконец, еще один, определяющий, слой – Порфирий, «маяк Запада», оказавшийся для римлян главным транслятором неоплатонизма. Несмотря на то что Порфирий упоминается Макробием лишь дважды, его влияние нельзя недооценить. Макробий хорошо знал многие работы «Царя», чему сохранилось немало свидетельств. К примеру, дословно совпадают *Комментарий* I, 2, 14-16 и сохранившийся (в передаче Прокла) отрывок из *In Rempubl.* Порфирия. Интенсивно использовалась работа, которую Макробий называет *De animae reditu* (I, 13, 15), а Августин (знавший ее, видимо, в переводе Мария Викторина) – *De regressu*. Для главы X *Комментария* важно еще одно сочинение Порфирия – Περὶ Στυγός (*О Стиксе*). В сохранившемся из нее отрывке Порфирий цитирует двадцатую книгу Аполлодора *О богах*, которая повествует об Аиде. Аполлодор дает в ней этимологию названий рек преисподней: «Реки в Аиде называются... Ахеронт – от скорби [ἄχη]... Стикс – поскольку хмурятся [στυγνάειν] от печали и страшатся [στυγέσθαι]... того, что в Аиде... Полагали, что река Коцит – от горького плача [κωκυτεύειν]... Пирифлегетон – поскольку умершие горят в огне [πυρὶ φλέγέσθαι]...». Весьма вероятно, что *Комментарий* I, 10, 11 – это реминисценция на этот отрывок.

Начало двенадцатой главы Макробий строит на трактате Порфирия *О пещере нимф*. И даже повторяет допущенную Порфирием астрономическую неточность.

И последнее, проблематика греческих источников излагается и оценивается Макробием в парадигме латинских авторов: Цицерона, Вергилия, Лукреция и др. Собственно, текст изначально структурирован и написан для латинского читателя. Например, резко усиливается роль и значимость гражданских мотивов, которых греки не переоценивали (в *Федоне* 82а говорится, что неискушенные в философии, даже если преуспеют в гражданской добродетели, переселятся после смерти в пчел, ос, муравьев, самое большое – в воздержных людей, «но в род богов не позволено перейти никому, кто не был философом и не очистился до конца»).

Подводя итог, можно сказать, что Макробий, не будучи самобытным мыслителем, свободно владеет материалом, легко оперируя им на всех четырех уровнях, выстраивая из клише платоников и неоплатоников вполне оригинальное произведение, своеобразное и неповторимое, отражающее характер его собственной страны и эпохи.

Что касается Порфирия, то эту фигуру определить гораздо сложнее. Даже немногие представленные *Тезисы* – емкие и разноплановые – свидетельствуют о разносторонности автора и синкретизме

его учения. Тезис XXXII посвящен философии и технике катарсиса, тезисы I-VI – учению о бестелесном, далее следуют отклики на Платона (VII-IX), Плотина (X, XL), Аристотеля (XVI). Тезис XXIX представляет собой сплав цитат, аллюзий, намеков и прямого изложения материала взятого у стоиков, герметиков, толкователей Гомера, Гераклита, а также у Платона, Плотина, Нумения. Если прибавить угадываемый фон – знакомство с религией египтян, иудеев, христиан, занятия теургией и демонологией, станет ясно сколь сложным и противоречивым было мировоззрение «ученейшего из философов, хотя и величайшего врага христиан», большая часть сочинений которого – уничтожена и до нас не дошла. Что-то в его личности прояснят предлагаемые тезисы. И конечно, немалым событием стало бы появление новых откомментированных переводов его сохранившихся работ.

Мне не было доступно новейшее издание Porphyrius Sententiae ad Intelligibilia, ed. E. Lamberz. Leipzig, 1975. Использован старый текст Porphyrii Philosophi Sententiae ad Intelligibilia Ducentes, ed. Fr. Dübner, Paris, Didot, 1855. Римские цифры – общепринятая новая нумерация тезисов, цифры арабские – нумерация по Дюбнеру.

ПОРФИРИЙ

ОТПРАВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ К УМОПОСТИГАЕМОМУ

ФРАГМЕНТЫ

XXXII (34)

Одно – добродетели государственного деятеля; другое [добродетели] того, кто восходит к созерцанию, а потому именуется склонным к созерцанию; иное – добродетели уже зрящего; и иное – добродетели ума как такового, чистого от [примеси] души¹.

Добродетели государственного деятеля состоят в умерении страстей, следовании и подчинении в общественной деятельности соображениям должного [καθήκοντος]². Они следят за тем, чтобы ближний не понес вреда от общения, и называются гражданскими, поскольку приводят к общению³.

«[Здесь] разумение [φρόνησις] относится к умной [части души]⁴, мужество [ἀνδρεία] – к яростной, благоразумие [σοφροσύνη] состоит в согласии и гармонии вожделеющей и разумной частей, а справедливость [δικαιοσύνη] – в исполнении каждой [из добродетелей] ее функций повелевания либо подчинения»⁵.

А [добродетели человека], продвигающегося к созерцанию⁶, заключаются в отступлении от здешнего, [низкого]. Поэтому их называют очищениями [καθάρσεις]. Они усматриваются в воздержании от